

УДК 342.51

DOI: 10.34670/AR.2020.53.87.034

**К вопросу о проблеме правового регулирования
конституционно-правового статуса высшего
должностного лица субъекта Российской Федерации**

Гречко Арина Александровна

Магистрант,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: arinagrenya@gmail.com

Даниленко Артем Олегович

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: danilenko.ao@mail.ru

Дорощук Павел Сергеевич

Магистрант,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: nolhelpa@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемные вопросы, связанные с конституционно-правовым статусом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, анализируется ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих положение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе государственного управления. Актуальность данной работы обусловлена тем, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации играет системообразующую роль в построении и функционировании органов государственной власти любого региона, их взаимодействии с федеральной властью, выполняет задачи координатора, обеспечивающего согласованную работу государственной власти на соответствующей территории, эффективную взаимосвязь с органами местного самоуправления. В этой связи изучение проблем, связанных с конституционно-правовым статусом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, не теряет своей актуальности на фоне непрерывного развития государственного строительства современной России. Как следствие, обозначенная в работе тема затрагивает важные для текущей политико-правовой реальности вопросы.

Для цитирования в научных исследованиях

Гречко А.А., Даниленко А.О., Дорошук П.С. К вопросу о проблеме правового регулирования конституционно-правового статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 11А. С. 353-362. DOI: 10.34670/AR.2020.53.87.034

Ключевые слова

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, правовое регулирование, конституционно-правовой статус.

Введение

В системе органов государственной власти, формируемых в региональном управлении, ведущая роль принадлежит высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации. Это обусловлено тем, что, во-первых, принимаемые им нормативно-правовые, принятые в пределах возложенных полномочий, обязательны к исполнению на соответствующей территории региона, во-вторых, реализуя представительские функции, осуществляет координирование и определяет наиболее приоритетные направления деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, то есть фактически обеспечивает нормальный ход жизнедеятельности в регионе.

Вместе с тем, в действующем законодательстве Российской Федерации, в том числе и ее субъектов отсутствуют единые и четкие критерии, позволяющие определить его «истинный» конституционно-правовой статус. В настоящее время с учетом неоднозначно сложившегося правового регулирования конституционно-правового статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, данная категория лишена своей конкретики.

Основное содержание

Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации включает в себя целый комплекс законодательно урегулированных отношений между государством и высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, между самим высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации в процессе реализации возложенных на него полномочий, между ним самим и иными органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации определяется должностью и его местом в должностной структуре государственного органа, вступлением в должность, порядком определения прав, обязанностей, ограничений и ответственности за свою деятельность [Трифонов, 2013, с. 104].

Так, вопросы организации и деятельности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации регламентированы как на федеральном уровне – Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 06.10.1999 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020) (далее по тексту – ФЗ «Об общих...») и др., так и на региональном – Уставом Сахалинской области от 09.07.2001 № 270 (ред. от 29.11.2019) (далее по тексту – Устав СО), Уставом Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ (ред. от 30.07.2019) (далее по тексту – Устав ПК) и др.

Ст. 1 Конституции Российской Федерации гласит, что Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, это говорит о том, что государственная власть в ней осуществляется не только федеральными государственными органами, но и органами государственной власти субъектов Российской Федерации – республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации, республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство. Исходя из этого субъекты Российской Федерации самостоятельно организуют и осуществляют свою власть с учетом тех или иных региональных особенностей, неразрывно с федерацией, дополняя друг друга, принимая во внимание общие принципы разграничения предметов ведения и полномочий, организации власти, а также исходя из основ конституционного строя. На основании ст. 10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Во взаимосвязи со ст. 11 Конституции Российской Федерации данное правило действует как в отношении организации государственной власти на федеральном уровне, так и к системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Эти установления носят основополагающий и незыблемый характер. Изложенное подкрепляется ст. 77 Конституции РФ, которая устанавливает единство системы исполнительной власти, что проявляется в непосредственном подчинении исполнительной власти в регионах федеральному центру.

Таким образом, Конституция Российской Федерации, закрепляя правовые основы государственной власти в субъектах Российской Федерации определяет общие принципы организации власти и систему органов, в то время как ФЗ «Об общих...» конкретизирует и дополняет конституционные нормы, являясь неким «фундаментом» для субъектов Российской Федерации, которые посредством своего законодательства устанавливают конкретную систему власти в конкретном регионе. Аналогичным образом действует это и в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, статус которого во многом зависит от того, какое закрепление и конкретизацию он получит в учредительном акте субъекта Российской Федерации в системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Что касается упоминания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в самом тексте Конституции Российской Федерации, то в настоящее время его статус как главы региона не проявляется. Отсутствует и легальная дефиниция в отраслевом законодательстве. Ныне принятые на общероссийском голосовании (2020) поправки к Конституции Российской Федерации дополнили ст. 77, лишь дублируя положения абз. 2 п. 3 ст. 18 ФЗ «Об общих...», определяющего требования к кандидату на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

В этой связи Мещеряков А.Н. излагает мнение о том, что в строго конституционном понимании в системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации обязательными являются лишь законодательный (представительный) и исполнительный органы. Все остальные устанавливаются ими самостоятельно и носят факультативный характер [Мещеряков, 2017, с. 47].

И действительно, точка зрения Мещерякова А.Н. имеет право на свое существование, так

как если обратиться к положениям ст. 2 ФЗ «Об общих...», закрепляющей перечень обязательных органов в системе органов государственной власти субъекта Российской Федерации: законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации. В отношении должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации отмечено, что такая «может быть установлена», данная вероятностная формулировка и позволяет отнести должность к числу факультативных.

Смоделируем ситуацию, в рамках которой конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не закреплена. Конституция Российской Федерации в силу отсутствия какого-либо императивного закрепления в отношении должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не требует, не требует этого и ФЗ «Об общих...», поскольку в силу содержащейся вероятностной формулировки субъекты Российской Федерации способны (хоть и формально) организовывать систему органов государственной власти в отсутствие должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Проблема кроется в том, что за исключением ст. 2 ФЗ «Об общих...» остальные его нормы исходят из презумпции наличия в субъекте Российской Федерации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и иного варианта организации власти они не предусматривают. Например, проявляется это в ст. 8 ФЗ «Об общих...», посвященной порядку обнародования и вступления в силу нормативно-правовых актов субъекта Российской Федерации, и в ст. 18, закрепляющей перечень его полномочий.

Исходит из этого понимания и законодательство субъектов Российской Федерации, поскольку почти во всех субъектах Российской Федерации существует должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, роль и авторитет которой лишь возрастает. Таким образом, мы считаем, что законодателю надлежит сделать наличие должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации обязательной, в целях устранения правовой неопределенности.

Но является ли это действительно проблемой? Существование различных моделей закрепления статуса Главы региона может свидетельствовать о развитии основ федерализма и самостоятельности региональных властей, неоднородная практика чисто гипотетически может порождать оптимальные модели государственного строительства в регионах. В то же время его статус в разных регионах отличается друг от друга, не отличается стабильностью, ибо не всякая модель является успешной с точки зрения эффективности государственного управления, что приводит к появлению на практике тех или иных проблем.

Отсутствие легальной дефиниции и использование законодателем термина «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации», как синонима термина «руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации» создает трудности при исследовании сущности рассматриваемого понятия.

На практике термин высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации повсеместно применяется для обозначения руководителей всех субъектов Российской Федерации, вне зависимости от их государственно-правовой природы [Морозова, 2018, с. 1]. По итогу это привело к тому, что должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации называется по-разному: губернатор (ст. 19 Устава Камчатского края от 04.12.2008

№ 141 (ред. от 27.04.2016)), мэр (ст. 40 Устава города Москвы от 28.06.1995 (ред. от 20.09.2017)) и др., поскольку субъектам Российской Федерации дано право самостоятельно устанавливать наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации (п. 6 ст. 18 ФЗ «Об общих...»). Именно поэтому в учредительных актах субъектов Российской Федерации можно встретить различные наименования должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

В качестве органа государственной власти субъекта Российской Федерации ФЗ «Об общих...» указывает, в том числе высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. Из этого понимая исходит и законодательство субъектов Российской Федерации, называя высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации органом государственной власти (п. 37 абз. 1 ст. 2 Избирательного кодекса Приморского края от 22.07.2003 № 62-КЗ (ред. от 04.12.2019)) [6]. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как органа государственной власти означает оформленное Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями, уставами и законами субъектов Российской Федерации положение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, характеризующее его природу, место в системе конституционно-правовых отношений, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия [Орлова, 2015, с. 46]. Этой точки зрения придерживается и Морозова Д.С., называя данный подход «классическим» [Морозова, 2015, с. 1]. Трифонов Д.С. считает, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации – это представитель особой социальной общности людей, призванный осуществлять цели и функции государства, посредством исполнения полномочий государства и решать социальные задачи в интересах граждан [Трифонов, 2013, с. 108]. Вместе с тем, по общему правилу, под высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, понимают единоличный орган государственной власти, который принимает решения самостоятельно, путем императивного волеизъявления [Трифонов, 2013, с. 108]. На наш взгляд, все представленные понятия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации являются верными, так как и то, и другое раскрывает особенности его конституционно-правового статуса.

ФЗ «Об общих...» включает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в систему органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Степанова А.А. приводит позицию о своей неуверенности в том, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации относится к исполнительной ветви власти, несмотря на прямое и неоднократное указание об этом в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, ибо считает, что тяжело вообще допустить существование двух главных исполнительных органов в одном субъекте Российской Федерации и понять, кто из них главней и какое место занимает в сложившейся системе организации власти, что приводит к возникновению правовых коллизий, что является негативной тенденцией в свете развития основ федерализма [Степанова, 2015, с. 31].

Кильметова Р.Р. делает замечание, в соответствии с которым ФЗ «Об общих...» хоть и разводит категории высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, которые в государственной организации отдельных субъектов Российской Федерации неправомерно соединяются [Кильметова, 2010, с. 47].

Так, в силу законодательно оформленной самостоятельности субъектов Российской

Федерации ими устанавливаются те или иные модели, закрепляющие положение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Так, например, в соответствии с п. 1 ст. 25 Устава СО, Губернатор Сахалинской области является высшим должностным лицом Сахалинской области и возглавляет Правительство Сахалинской области, при этом существует должность Председателя Правительства Сахалинской области, который организует работу Правительства Сахалинской области (п. 2 ст. 29 Устава СО). Губернатор Сахалинской области входит в состав Правительства Сахалинской области, наряду с председателем Правительства Сахалинской области (п. 6 ст. 29 Устава СО). Согласно положениям Закона Сахалинской области от 26.10.2009 № 89-ЗО «О системе органов исполнительной власти Сахалинской области» (ред. от 20.02.2020), Губернатор Сахалинской области не входит в систему органов исполнительной власти Сахалинской области.

Ч. 1 ст. 34 Устава ПК гласит, что Губернатор Приморского края является высшим должностным лицом Приморского края. В силу ст. 41 Устава ПК, Губернатор Приморского края организует и возглавляет исполнительную власть Приморского края, однако в систему органов исполнительной власти в Приморском крае не входит. Согласно ст. 42 Устава ПК, Губернатор Приморского края является главой Администрации Приморского края. Здесь Губернатор Приморского края выступает в двух организационно-правовых качествах, то есть имеет место слияние высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Аналогичная модель существует в Хабаровском крае.

В Камчатском крае существует должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации – Губернатора, который возглавляет исполнительную власть в Камчатском крае. При этом в структуру Правительства Камчатского края Губернатор Камчатского края не входит. Председателем Правительства Камчатского края является первый вице-губернатор Камчатского края (ст. 19 Устава Камчатского края от 04.12.2008 № 141).

Данные примеры не являются исчерпывающим, так как сколько субъектов в Российской Федерации – столько существует и моделей, закрепляющих положение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе региональной власти. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является величиной, трансформирующейся во времени, и зависит как от федерального регулирования, так и от модели, закреплённой регионами. Исходя из разных моделей закрепления, мы имеем то, что статусы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации являются диаметрально противоположными по отношению друг к другу и не всегда совпадают, что иногда даже приводит к конкуренции федеральных и региональных норм. Взять даже тот факт, что ФЗ «Об общих...» запрещает такое наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как «Президент», однако существуют субъекты Российской Федерации, в конституциях (уставах) которых содержится такое наименование. Учредительные акты этих субъектов до сих пор не приведены в соответствие. Одним из таких субъектов Российской Федерации является Республика Татарстан (ст. 89 Конституции Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 22.06.2012)).

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации занимает особое место в системе органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, являясь ее непосредственным высшим источником на территории региона. На основании изложенного, считаем целесообразным установить единую модель организации государственной власти субъектов Российской Федерации, ввести в законодательный оборот легальное определение

высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, обозначив его статус как главы региона и разграничить понятия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Проводя аналогию стоит обратиться к Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020), ст. 36 которого регламентирует положение главы муниципального образования, который тоже является высшим должностным лицом, но на уровне муниципального образования, его фигура получила более детальное регулирование, чем высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, касается это и моделей закрепления статуса. Возможно, что этот опыт стоит взять на вооружение региональному законодателю, либо закрепить конкретные, схожие модели в ФЗ «Об общих...», минуя при этом самостоятельное регулирование со стороны субъектов Российской Федерации. Иной путь развития событий предлагает Чекунова А.А., указывая на необходимость принятия отдельного закона о статусе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Зависит эта необходимость не только от того, насколько подробно учредительные акты субъектов Российской Федерации смогли определить статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, но и от того, насколько противоречивы нормы законодательства, учитывая, что законодательство в сфере организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации складывалось постепенно и не всегда последовательно [Чекунова, 2019, с. 283]. Автор предполагает, что принятие отдельного закона выглядит более предпочтительным, чем довольно схематичное конституционно-уставное регулирование соответствующих правоотношений или их урегулирование множеством различных правовых актов, в том числе подзаконного характера [Чекунова, 2019, с. 284]. Ныне существующая система региональной власти носит противоречивый характер по отношению к общефедеральной системе государственной власти, где высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации обладает крайне противоречивым, двойным статусом (высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), зависимым от самой системы государственной власти [Полатов, 2010, с. 153].

Заключение

Таким образом, конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации с учетом федерального законодательства содержит множество противоречий и разногласий, что несомненно требует своевременного устранения и корректировки в целях оптимизации государственного управления в регионах.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.21249999392339203#09124477551783068/> Загл. с экрана. (дата обращения: 13.07.2020).
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Собр.

- законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005. Российская газета. 2020. № 110. (ред. от 23.05.2020).
3. 3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. Российская газета. 2020. № 110. (ред. от 23.05.2020).
 4. 4. Устав Камчатского края от 04.12.2008 № 141 // Официальные ведомости. 2008. № 199-200. 2016. № 94-95. (ред. от 27.04.2016).
 5. 5. Устав города Москвы: закон г. Москвы от 28.06.1995 // Ведомости Московской Думы. 1995. № 4. Ведомости Московской городской Думы. 2017. № 8. Ст. 147. (ред. от 20.09.2017).
 6. 6. Избирательный кодекс Приморского края: закон Приморского края от 22.07.2003 № 62-КЗ // Утро России. 2003. № 114 (2960). Приморская газета. 2019. № 99 (1729). (ред. от 04.12.2019).
 7. 7. Устав Сахалинской области от 09.07.2001 № 270 // Губернские ведомости. 2001. № 126 (1279). 2019. № 141 (5749). (ред. от 29.11.2019).
 8. 8. О системе органов исполнительной власти Сахалинской области: закон Сахалинской области от 26.10.2009 № 89-ЗО // Губернские ведомости. 2009. № 194 (3401). 2020. № 19 (5780). (ред. от 20.02.2020).
 9. 9. Устав Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ // Утро России. 1995. № 197. Приморская газета. 2019. № 60 (1690). (ред. от 30.07.2019).
 10. 10. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // Советская Татария. 1992. № 246-247. Республика Татарстан. 2012. № 125-126. (ред. от 22.06.2012).
 11. 11. Кильметова, Р.Р. Высшее должностное лицо в системе государственной власти субъекта Российской Федерации / Р.Р. Кильметова // Общество и право. 2010. № 2. С. 47-50.
 12. 12. Мещеряков, А.Н. О некоторых проблемах нормативного регулирования правового положения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации / А.Н. Мещеряков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 46-50.
 13. 13. Морозова, Д.С. Особенности понятия и сущности высшего должностного лица субъекта РФ / Д.С. Морозова // Юридические науки. 2018. № 15. С. 1-3.
 14. 14. Орлова, Э.А. Конституционно-правовые основы статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации / Э.А. Орлова // Вестник Прикамского социального института. 2015. № 1 (69). С. 45-50.
 15. 15. Полатов, З.Т. Президент и высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в системе государственной власти / З.Т. Полатов // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 149-153.
 16. 16. Степанова, А.А. Заметки о высшем должностном лице субъекта Федерации / А.А. Степанова // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 30-35.
 17. 17. Трифонов, Д.С. Понятие и основные элементы конституционно-правового статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации / Д.С. Трифонов // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 103-109.
 18. 18. Чекунова, А.А. Конституционно-правовой статус и ответственность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации / А.А. Чекунова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 10 мая 2019. Чебоксары: Издательство ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2019. С. 281-285.

Problems of legal regulation of constitutional and legal status of a higher official of the subject of the Russian Federation

Arina A. Grechko

Master student

Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: nolhelpa@gmail.com

Artem O. Danilenko

Student

Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: danilenko.ao@mail.ru

Pavel S. Doroshchuk

Master student

Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: nolhelpa@gmail.com

Abstract

The article discusses the main problematic issues related to the constitutional legal status of the highest official of the subject of the Russian Federation, analyzes a number of legal acts regulating the position of the highest official of the subject of the Russian Federation in the public administration system. The relevance of this work is due to the fact that the highest official of a constituent entity of the Russian Federation plays a system-forming role in the construction and functioning of state authorities of any region, their interaction with the federal government, performs the tasks of a coordinator, ensuring coordinated work of state authorities in the relevant territory, effective interaction with local authorities self. In this regard, the study of problems associated with the constitutional and legal status of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation does not lose its relevance against the background of the continuous development of state building in modern Russia. As a result, the theme identified in the work touches on issues important for the current political and legal reality.

Keywords: top official of a subject of the Russian Federation, legal regulation, constitutional legal status.

For citation

Grechko A.A., Danilenko A.O., Doroshchuk P.S. (2020) K voprosu o probleme pravovogo regulirovaniya konstitutsionno-pravovogo statusa vysshego dolzhnostnogo litsa sub"ekta Rossiiskoi Federatsii [Problems of legal regulation of constitutional and legal status of a higher official of the subject of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (11A), pp. 353-362. DOI: 10.34670/AR.2020.53.87.034

Keywords

The highest official of the subject of the Russian Federation, legal regulation, constitutional and legal status.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.). [Elektronnyj resurs] SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.21>

- 249999392339203#09124477551783068/ Zagl. s ekrana. (data obrashcheniya: 13.07.2020).
2. Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*. 1999. № 42. St. 5005. Rossijskaya gazeta. 2020. № 110. (red. ot 23.05.2020).
 3. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*. 2003. № 40. St. 3822. Rossijskaya gazeta. 2020. № 110. (red. ot 23.05.2020).
 4. Ustav Kamchatskogo kraja ot 04.12.2008 № 141 // *Oficial'nye vedomosti*. 2008. № 199-200. 2016. № 94-95. (red. ot 27.04.2016).
 5. Ustav goroda Moskvy: zakon g. Moskvy ot 28.06.1995 // *Vedomosti Moskovskoj Dumy*. 1995. № 4. *Vedomosti Moskovskoj gorodskoj Dumy*. 2017. № 8. St. 147. (red. ot 20.09.2017).
 6. Izbiratel'nyj kodeks Primorskogo kraja: zakon Primorskogo kraja ot 22.07.2003 № 62-KZ // *Utro Rossii*. 2003. № 114 (2960). *Primorskaya gazeta*. 2019. № 99 (1729). (red. ot 04.12.2019).
 7. Ustav Sahalinskoj oblasti ot 09.07.2001 № 270 // *Gubernskie vedomosti*. 2001. № 126 (1279). 2019. № 141 (5749). (red. ot 29.11.2019).
 8. O sisteme organov ispolnitel'noj vlasti Sahalinskoj oblasti: zakon Sahalinskoj oblasti ot 26.10.2009 № 89-ZO // *Gubernskie vedomosti*. 2009. № 194 (3401). 2020. № 19 (5780). (red. ot 20.02.2020).
 9. Ustav Primorskogo kraja ot 06.10.1995 № 14-KZ // *Utro Rossii*. 1995. № 197. *Primorskaya gazeta*. 2019. № 60 (1690). (red. ot 30.07.2019).
 10. Konstituciya Respubliki Tatarstan ot 06.11.1992 // *Sovetskaya Tatariya*. 1992. № 246-247. Respublika Tatarstan. 2012. № 125-126. (red. ot 22.06.2012).
 11. Kil'metova, R.R. Vysshee dolzhnostnoe lico v sisteme gosudarstvennoj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii / R.R. Kil'metova // *Obshchestvo i pravo*. 2010. № 2. S. 47-50.
 12. Meshcheryakov, A.N. O nekotoryh problemah normativnogo regulirovaniya pravovogo polozheniya vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii / A.N. Meshcheryakov // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2017. № 3. S. 46-50.
 13. Morozova, D.S. Osobennosti ponyatiya i sushchnosti vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta RF / D.S. Morozova // *YUridicheskie nauki*. 2018. № 15. S. 1-3.
 14. Orlova, E.A. Konstitucionno-pravovye osnovy statusa vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii / E.A. Orlova // *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*. 2015. № 1 (69). S. 45-50.
 15. Polatov, Z.T. Prezident i vysshee dolzhnostnoe lico sub"ekta Rossijskoj Federacii v sisteme gosudarstvennoj vlasti / Z.T. Polatov // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2010. № 3. S. 149-153.
 16. Stepanova, A.A. Zametki o vysshem dolzhnostnom lice sub"ekta Federacii / A.A. Stepanova // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2015. № 7. S. 30-35.
 17. Trifonov, D.S. Ponyatie i osnovnye elementy konstitucionno-pravovogo statusa vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii / D.S. Trifonov // *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2013. № 2 (27). S. 103-109.
 18. CHekunova, A.A. Konstitucionno-pravovoj status i otvetstvennost' vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii / A.A. CHekunova // *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendencii i perspektivy razvitiya: sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, CHEboksary, 10 maya 2019. CHEboksary: Izdatel'stvo OOO «Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus», 2019. S. 281-285.*